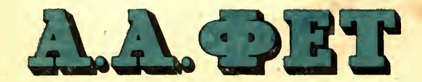

СЕРИЯ Литература

Лев Озеров

Лев Озеров

Б. У.

А. А. ФЕТ

(О мастерстве поэта)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970

Осенью этого года исполняется 150 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета (1820—1892). Певец весны и любви, он оставил глубокий след в русской литературе. Мы не должны однако забывать о реакционных взглядах Фета на общественное развитие, которые отчасти нашли отражение в его творчестве. Но вместе с тем наиболее ценная часть наследия поэта — его лирика — продолжает волновать нас и доставляет истинное удовольствие нам, людям второй половины XX века.

Автор брошюры — поэт, переводчик, литературовед Лев Адольфович Озеров рассматривает ценнейшую часть наследия Фета — его лирику, а в связи с этим — особенности мастерства художника, его образы.

Это третья брошюра Льва Озерова, выпускаемая издательством «Знание». В 1966 г. вышла его брошюра «Труд, страсть, вдохновение», а в 1968 г.— «В мастерской стиха». Настоящая брошюра продолжает начатый в первых двух разговор о поэтическом мастерстве на классическом примере Фета.

СОДЕРЖАНИЕ

8Р1
0—46

7-2-2

Лев Адольфович ОЗЕРОВ

А. А. Фет

Редактор Н. М. Краснопольская
Худож. редактор Л. С. Морозова
Художник И. Ф. Федорова
Техн. редактор Е. М. Лопухова
Корректор И. И. Поршнева

А 04757. Сдано в набор 27/V 1970 г. Подписано к печати 9/VI 1970 г. Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,85. Тираж 90 000 экз. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 1276. Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 6 коп.

Откуда у этого добродушного, толстого офицера... такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?

Л. Толстой о Фете

Несколько слов о жизни поэта

режде чем говорить о творческой судьбе Фета, необходимо познакомить читателей хотя бы с основными данными его биографии.

Есть поэты, у которых биография более или менее полно и глубоко возникает из самих стихов. По книгам или циклам произведений восстанавливаются этапы жизни их творца. Фет не из числа таких поэтов. Его жизнь, как правило, косвенно отражалась в его поэзии. Это становится очевидным даже при беглом сравнении мемуарных книг поэта («Ранние годы моей жизни» и «Мои воспоминания») с его лирикой. Сам Фет подчеркивал видимую полярность своей поэзии и жизни. Как убедятся читатели, это не всегда так, не совсем так, а подчас и вовсе не так. Жизнь поэта не могла не врываться в его творчество и не могла не диктовать ему все то, что она властна диктовать.

Фет создал лирические произведения высокого накала, он автор строк, исполненных веры в добрые человеческие чувства:

Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Лирик из рук в руки передает читателю свое сердце. И я не открываю здесь ничего нового. Но я это повторяю потому, что Фет являет удивительный пример такой передачи сердца из рук в руки. Мемуары и письма Фета, при всей их большой и все увеличивающейся ценности, не обладают все же той силой достоверности и исповедальности, которые заключены в его лирике. «Там человек сгорел», — смело можно сказать его словами о его же лирических стихотворениях.

Афанасий Афанасьевич Фет родился в ноябре 1820 г. в имении Новоселки (прежнее название Козюлькино), невдалеке от Мценска Орловской губернии. Отец его — ротмистр в отставке, помещик Афанасий Неофитович Шеншин, принадлежал к старому роду Шеншиных. Мать — Шарлотта Фет, дочь обер-кригс-комиссара Беккера, носила фамилию по своему первому мужу. Дальнейшие фамильные и родовые злоключения ее стар-

шего сына Афанасия будут изложены отдельно. Они достойны особого разговора в силу того, что имели важное влияние на род и характер жизни поэта.

До четырнадцатилетнего возраста Фет жил и учился дома, затем он был отвезен в пансион Крюмлера в городке Верро (ныне Выру, Эстония). Здесь он провел три года. Затем полгода Фет пребывал в пансионе известного историка профессора Погодина в Москве, после чего поступил в Московский университет, сперва на юридический факультет, а потом на словесное отделение философского факультета. Вместо полагавшихся четырех лет в университете пробыл все шесть — учился плохо.

В университете в ту пору преподавали Шевырев, ставший почитателем и покровителем поэта, Грановский, Крюков. Среди его друзей по университету были А. Григорьев, в доме у которого Фет проживал все свои студенческие годы, Я. Полонский, К. Кавелин. Позднее поэт писал, что дом Григорьевых был истинною колыбелью его умственного «я». Поощряемый окружающими его людьми, Фет в 1840 г. издал сборник стихов «Лирический пантеон», не имевший читательского успеха, хотя благосклонно встреченный прессой.

В дальнейшем Фет деятельно сотрудничает и в прогрессивных «Отечественных записках», и в реакционном «Москвитянине», очевидно, не делая для себя разницы между ними.

Образованность и литературные успехи сулили поэту долговременное жительство и службу в Москве. Но Фет становится военным. В 1845 г. он поступает в кирасирский кавалерийский, весьма захудалый полк, расквартированный по глухим углам Херсонской губернии. В 1853 г. Фет переходит в гвардию, в лейб-уланский полк, расквартированный под Волховом. Поэт имеет теперь возможность бывать в Петербурге. Через три года (в 1856 г.) Фет берет снова годовой отпуск (который частично проводит в Германии, Франции, Италии), а затем вовсе увольняется. В 1858 г. он выходит в отставку. За двенадцать лет он дослужился до чина поручика, но дворянского звания это ему не дало, так как в ту пору вышел указ о том, что дворянство может дать только чин полковника.

В это же время продолжает развиваться его литературная деятельность. В 1850 г. выходит в Москве сборник стихотворений. В Петербурге Фет знакомится с Некрасовым, Панаевым, Дружининым, Толстым, Гончаровым. Здесь же он встретил прежних своих знакомых Тургенева и Боткина. Сестра последнего, Мария Петровна, стала женой поэта. В 1856 г. Тургенев способствовал изданию книг фетовских стихотворений. И тем не менее поэт убеждается «в невозможности находить материальную опору в литературной деятельности».

Новый поворот в судьбе поэта наступил в 1860 г. Он купил Степановку, хутор с 200 десятин земли в Мценском уезде. Здесь он всерьез занялся хозяйством: отделал дом, расширил

его пристройками, насадил аллеи, выкопал пруды и колодцы. Он повел хозяйство по всем правилам тогдашней науки. Ему везет. «Он теперь сделался агрономом-хозяином *до отчаянности,* — писал Тургенев в одном из писем, — отпустил бороду до чресл—с какими-то волосяными вихрами *за* и *под* ушами, — о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом». В эту пору он становится мировым судьею, пишет статьи о сельском хозяйстве, обращается к властям с требованием защитить помещиков и их интересы от крестьян и вольнонаемных рабочих. Эти статьи вызвали протест прогрессивно настроенных людей.

В 1863 г. к 25-летию своей литературной деятельности Фет выпускает двухтомное собрание стихотворений. В 60—70-х годах он не появляется в печати, и его начинают забывать.

Все помыслы Фета были направлены на то, чтобы утвердиться в правах русского дворянина и обеспечить свое материальное благополучие. Первого он добился в 1873 г., когда за ним была закреплена отцовская фамилия Шеншин и возвращены все связанные с этим права. Второго он добился еще раньше.

В 1877 г. он продал Степановку и купил большое имение Воробьевку в Щигровском уезде Курской губернии.

Деревня Воробьевка — на левом луговом берегу реки Тускари, господская усадьба с роскошным на восемнадцати десятинах парком — на высоком правом берегу. Каменный дом, вековые дубы, фонтан против балкона... Хозяйство на 850 десятинах велось управляющим, хозяин же, наконец, получил полную возможность вновь заняться литературой и отдаться ей целиком. Человек скрытный, по мнению многих современников, жесткий, Фет не шел на быстрое и легкое сближение с людьми. Он был замкнут, и его сердце было отдано прежде всего стихам.

В Воробьевке Фет проводит летние месяцы (начиная с середины апреля), а в зимние живет в Москве, на Плющихе в собственном доме, который был куплен в 1881 г.

Последний период жизни отдан, как и начальный, творчеству.

В эту пору Фет издавал свои книги сам. Он всерьез занялся издательской деятельностью. Так, он издает четыре книги стихотворений под общим названием «Вечерние огни». Пишет две части «Моих воспоминаний» и книгу «Ранние годы моей жизни». Выпускает перевод всех сочинений Горация, начатый еще в студенческие годы. Он вообще много переводит: Саади и Анакреона, Гёте и Гейне, Байрона и Мура, Шенье и Беранже, Мицкевича, Овидия, Вергилия, Катулла, Тибула, Плавта, Шопенгауэра («Мир как воля и представление») и других. Некоторые переводы его выходили в свет повторно. Несомненны просветительские цели, которые ставил перед собой Фет в своей переводческой деятельности. Высокий уровень общей культуры от-

личал деятельность Фета, который никогда не мог утолить своей жажды знаний.

У него было много попыток написать поэмы, баллады, сюжетные стихи, эпиграммы, послания... Он многое перепробовал. Но только в лирике, именно в лирике, перо его властвует и покоряет.

Разумеется, мы не должны забывать о верноподданности старого поэта «августейшему» автору К. Р. — великому князю Константину Романову, о погоне Фета за почестями, за придворным званием камергера, дарованным ему в 1889 г. Все это вызывало негодование и насмешку со стороны самых близких ему людей, таких, скажем, как Страхов, Полонский, Тургенев.

В письме от 1870 г. Тургенев упрекнул Фета: «Ведь эдак, пожалуй, соскользнешь в Каткова... В Булгарина упадешь!» Фет ответил Тургеневу:

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О, как уверю я тебя,
Что я не Греч и не Фаддей Булгарин?

При всей своей враждебности освободительным идеям его времени Фет чувствовал, что в русской литературе с такой характеристикой жить невозможно, невозможно стоять на одной доске с отъявленными негодяями и реакционерами.

Способность творить красоту Фет считал истинной жизнью. Что же касается своей практической жизни, то она могла ему не нравиться, более того — вызывать отвращение. Но надо помнить, что это отвращение вызывала в нем не только его собственная жизнь. Он полагал, что это относится к жизни вообще, бессмысленной, низменной, оскорбляющей высокие чувства. Вот почему для художника «впечатление, вызвавшее произведение, дороже самой вещи, вызвавшей это впечатление». Можно пойти дальше: дороже жизни, родившей эту вещь.

Последние годы жизни поэта омрачены болезнями: одышкой, хроническим воспалением век. В 1892 г., по приезде в Москву, он заболел бронхитом. Прошла болезнь, но не прошла слабость. Не дожив двух дней до своего 72-летия, Фет умер. Говорят, смерти его предшествовала попытка самоубийства.

Драмы поэта

Жизнь Афанасия Афанасьевича Фета, как мы видим, небогата внешними событиями. Но зато его духовная жизнь интенсивна и сложна. Не бурнопламенными страстями, не демоническими взлетами и падениями, а несметной множественностью оттенков восприятия мира. Где обычно слышится один-единст-

венный тон, там Фет улавливает бесчисленное количество переходящих друг в друга полутонов. Нескончаема цепь его переживаний, чувствований, ощущений, воплощенных в слове.

По возможности Фет старался избегать в лирике прямой автобиографичности, характерной для других поэтов. Но как бы он ни избегал ее, как бы ни уходил от непосредственного рассказа о своей жизни, именно в лирике надо искать ответ на многие недоуменные вопросы, которые ставит его биография. Психологические предпосылки фетовского творчества складывались именно в его житейской судьбе.

Жизнь Фета была сильно усложнена по крайней мере двумя неравновеликими и разными по характеру своему обстоятельствами, наложившими отпечаток на его судьбу, на миро-восприятие его, на образ мыслей и действий.

Первое обстоятельство связано с происхождением Фета. Долгое время он вынужден был подписываться: «К сему иностранец Афанасий Фет руку приложил». Родившийся в Новоселках и выросший в них сын русского помещика Афанасия Шеншина не имел права называть себя русским дворянином. Биографам причина этого ясна. Лечившийся в Германии Шеншин увез от мужа Шарлотту Фет, родившую мальчика через месяц по прибытии в Россию. Этому мальчику было дано имя Афанасий. В четырнадцатилетнем возрасте ему пришлось перенести страшное потрясение. Духовные власти Орла обнаружили, что мальчик родился еще до брака Шарлотты Фет с Афанасием Шеншиным. В отличие от младших братьев и сестер, законно именовавшихся Шеншиными, он должен был называться Фетом, что было для него несчастьем. «Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет...»

На протяжении многих лет он глубоко переживает свое двусмысленное положение. Тем сильней и яростней он мечтает о восстановлении права именоваться Шеншиным. Фету нужно было доказать обществу, что он принадлежит к дворянству России и никак не иначе, что он не Фет, а Шеншин. Имея в виду эту линию жизни своего друга, Тургенев писал ему не без иронии: «Как Фет вы имели имя, как Шеншин вы имеете только фамилию».

О том же говорил Жемчужников, еще резче обозначая контрастность двух фамилий:

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

Выхлопотав право принадлежать к роду Шеншиных, получив дворянство, поэт все же сохранил за собой имя Фет. Под этим именем он был к тому времени широко известен русской

читающей публике. Как бы там ни было, ощущение двойственности, обиды, несправедливости прошло через всю жизнь поэта и во многом определило его психологию, характерной чертой которой было непостоянство, тревожная половинчатость.

Здесь в пору сказать и о втором обстоятельстве его жизни, наложившем не меньший отпечаток на его личность, на его душу. Впрочем, оба этих обстоятельства взаимосвязаны и взаимозависимы. В годы военной службы Фет в семье помещика и стихотворца Бржеского познакомился с Марией Лазич. Она была поклонницей его поэзии, даровитой музыкантшей, весьма образованным человеком. Молодые люди полюбили друг друга. Но как это ни странно для художника, Фет бежал от сильного чувства. «Мои средства тебе известны, она ничего тоже не имеет», — так писал Фет в одном из писем другу. По понятиям Фета, бедность его и Лазич делала невозможным их брак. Последовала насильственная разлука. Вскоре не стало Марии Лазич. Она сгорела (несчастный случай или самоубийство, неизвестно). Как бы ни складывалась дальнейшая жизнь помещика Шеншина, но художник Фет не мог уйти от этой трагедии. До глубокой старости он писал стихи, обращенные к ней, к своей загубленной любви.

Природа — любовь — творчество

Если пристально вглядеться в эти два приведенных здесь обстоятельства, то станет ясным и очевидным, что они-то и создавали определенный психологический фон лирики Фета, они-то и питали ее. «Хаотическое брожение» души поэта проецировалось на его лирику несчетным множеством оттенков переживаний. Острая художническая восприимчивость, глубокая впечатлительность, воспаленность не имевшего покоя сознания—все это выбрало природу, любовь и творчество ареной, на которой разыгрывалась многоактная и многолетняя лирическая драма.

Природа — любовь — творчество... Вот треугольник, условно очерчивающий и вбирающий в себя все пространство фетовской лирики. В этом огромном треугольнике — природа, обозреваемая влюбленным сердцем творящего человека. Еще точней: природа вокруг нас — заодно и вместе с ней — природа души человеческой. Вот владения Фета. Они невелики, если судить о них тематически. Они неоглядны, если видеть за ними все сказочное богатство образов и мотивов, наполняющих поэтический мир Фета. Здесь мастер погружен в разгадку вечных тайн бытия. Как жить? — вопрошает он. Здесь ничто не мелко, здесь все важно, коли вошло в душу человека: от розы до зари, от звезды до былинки.

Тематическое триединство фетовской лирики определилось довольно быстро, так же, как и художнический почерк, так же, как и вкусы поэта. Он и вначале и много позднее выходил за эти пределы — живое творчество ищет себя, отходя и отступая от себя. Но, если говорить обобщенно, Фет являет собой образец по-своему понятой цельности, по своему понятого лирического единства.

Поэтическое развитие Фета шло стремительно. Выпустив в 1840 г. подражательный сборник стихов «Лирический пантеон», автор, скрывавшийся за инициалами А. Ф., за два-три последующих года создал уже такие произведения, которые позволили ему по праву подписаться полным именем — Афанасий Фет.

Конечно, еще пройдут годы, пока Фет утвердится в присущей ему одному манере, позволяющей и вовсе обходиться без подписи. Эта фетовская манера не легка для словесного определения. В ней много невнятно-беглого, ускользающе неопределенного. Но и при этих качествах она является именно манерой, стилем, а не чем-то промежуточным или недовоплощенным. Художественная задача Фета была так сложна и многообразна, что при всей кажущейся простоте ее она требует пристального внимания и длительного наблюдения.

Самое начало творчества Фета было безмятежным продолжением бытовавшего в ту пору среднеромантического штампа, смеси Жуковского с Бенедиктовым. Как бы ни именовали себя эпигоны первой половины прошлого века — поэтами мысли или страсти, поклонниками фольклора или книжной премудрости — их стихи (в том числе и начальный период Фета) не вступают в соприкосновение ни с общественной жизнью, ни с переживаниями человека, пусть и взятого отдельно на фоне этой исторической поры.

Многие современники Фета отдавали предпочтение его антологическим стихам. В отличие от Щербины и Майкова наиболее удачные антологические стихи Фета вовсе не реставрируют древность, а утверждают некий эстетический идеал. Его «Диана» (1847) была восторженно встречена Тургеневым, Некрасовым, Боткиным, Дружининым, Достоевским. Об этом стихотворении говорилось, что оно «сделало бы честь перу самого Гёте».

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы
Я видел меж дерев над ясными водами.

Не вдруг, но исподволь и постепенно живопись словом у Фета отходила от античных образцов и вставала на путь все большей самобытности. В ней проступали все явственней начала пушкинские, в которых пластика сочеталась с правдой чувств. Условно можно провести аналогию пути Фета с историческим

путем нашей пейзажной живописи от Сильвестра Щедрина и Федора Толстого к Левитану и Саврасову. От темно-коричневого фона старых мастеров и их копиистов к пленеру, к прозрачному воздуху, к свободной манере передачи впечатлений.

Антологические стихи научили Фета передавать предметы в состоянии покоя, изредка нарушаемого ветром, смывающим отражение статуи или дерева в воде. Его зрелая самобытная манера стремилась передать движение, процесс, переходы состояний, трепет жизни. Он изображает бабочку — «весь бархат мой с его живым миганьем». Это «живое миганье» более всего интересует поэта. Его-то он и спешит запечатлеть. Движение жизни в душе человека — вот что овладевает воображением художника целиком и полностью. Это отдаляло его от среднеромантического штампа и приближало к высокой пушкинской традиции.

Фет и Тютчев

Одной частью своего творчества, главным образом антологическими стихами, Фет в первой — пушкинской — половине XIX века, другой своей частью — зрелой и поздней лирикой — в XX веке, в первой — блоковской — его части.

Итак, ни углубление классицистичности, ни продолжение романтических мотивов не увлекут поэта. Он прислушивается к характеру своего дарования и найдет себя в психологической лирике, основанной на правде чувств. Путеводной звездой для него станет точность наблюдений, реалистичность воспроизведения духовного мира человека, живущего среди природы, изменяющегося вместе с ней. Его увлечет противоречивая сложность развития природы и человека — их борьба. Так он ступит на путь философской лирики. Это будет лирика, смело и открыто примыкающая к тому, что делал в русской поэзии Тютчев. Разумеется, в ней проступят те отличия, которые диктовались творческой натурой и особенностями самого Фета.

В посвященном Фету стихотворении «Тебе сердечный мой поклон» Тютчев называет его «сочувственный поэт». Это стихотворение Тютчева написано в ответ на послание Фета с просьбой о присылке ему портрета. Другое послание Тютчева Фету, написанное в то же время (апрель 1862), устанавливает кровное родство двух русских лириков:

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

Великая мать-природа дает иным «инстинкт пророчески-слепой». Удел Фета, с точки зрения Тютчева, завидней: под

зримой оболочкой Природы он увидел незримое, «самое ее» — Природу. Такой характеристики Тютчева удостоился один Фет. Читая это стихотворение, трудно отделаться от мысли, что перед нами очень точная характеристика лирики самого Тютчева...

Как известно, Фету принадлежит проникновенная статья о поэзии Тютчева и четыре стихотворных послания ему. Три из них написаны при жизни Тютчева, четвертое — после его смерти. Наконец, Фет осуществил перевод французского стихотворения Тютчева:

О, как люблю я возвращаться
К истоку первых твоих дней
И, внемля сердцем, восторгаться
Все той же прелестью речей.

Перевод выдержан в духе тютчевской поэзии и говорит о почтительном проникновении Фета в ее сущность.

Обычным стало сочетание этих двух имен — Тютчева и Фета: одни сближают их, другие противопоставляют. У Блока есть слова: «Все торжество гения, не вмещенное Тютчевым, вместил Фет». Это — утверждение высшего родства двух наших лирических поэтов.

Уступая Тютчеву в космической масштабности поэтического чувства, Фет в наиболее совершенных своих стихотворениях прикоснулся к вечным темам, непосредственно связанным с бытием человека. Фетовский человек находится в постоянном и разнообразном общении и разговоре с природой. В самых обыкновенных предметах Фет находит поэзию. Садовник, грибник, охотник, агроном, фенолог, путник, лесничий, рисовальщик найдут в стихах Фета десятки их интересующих подробностей, мимо которых они прошли бы, если бы поэт не указал на эти подробности. То, что является их специальностью или особым интересом, поэт в силу своего вйдения раскрывает в стихах с неожиданной даже для них стороны.

У двух художников, естественно, разные результаты. Там, где у Тютчева одна-единственная картина, у Фета великое множество этюдов, дробная и настойчивая разработка одной и той же темы в бесконечной цепи вариантов.

Вслед за Тютчевым, вместе с ним, Фет усовершенствовал и бесконечно разнообразил тончайшее искусство лирической композиции, построения миниатюр. За кажущейся повторяемостью их стоит бесконечное разнообразие и многообразие, непрекращающийся лирический контрапункт, запечатлевающий сложность духовной жизни человека.

«Первый ландыш» состоит из трех строф. Первые два четверостишья — о ландыше, который «из-под снега» просит «солнечных лучей», который чист и ярок — дар «воспламеняющей весны». Далее о ландыше поэт не говорит. Но его качества опрокинуты на человека:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

Это тютчевское построение, тонко и умно воспринятое Фетом и освоенное им.

Конечно же, это не подражание и не заимствование. Общие задачи русской философской лирики, дух эпохи, родство творческих манер играют здесь решающую роль.

Фет и Толстой

Две сопредельные — тульская и орловская — срединные русские земли были местами длительного жительства Льва Толстого и Афанасия Фета. Ясная Поляна и Степановка — эти названия рядом с датами стоят на многих из их писем. Толстой и Фет не только десятилетиями переписывались, но и встречались. Сказать короче: они дружили. Не только Фет посвящал стихи Толстому, но и Толстой, никогда не писавший стихов, сочинял их для Фета.

Длившаяся четверть века дружба Толстого и Фета показала, в чем эти художники были схожи, в чем различны. Как бы там ни было — они сошлись — две стихии, лирика и эпос, «стихи и проза», сошлись дополняя друг друга.

У этих двух писателей были и сходные и разные причины бежать «на землю». Фет так же, как Толстой, бежал в глубь внутренней губернии, в глубь России — от города, от света, от журналов, от литературной среды, от чиновников.

Да, Степановка не только земля, но и почва, на которой смогло произрастать все то, что заботливо посажено Фетом, здесь-то и поднялась многоветвистая крона его лирического древа. Обретя относительное равновесие сил, Фет писал Тургеневу:

Поэт! И я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной;
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.

Он не убоялся пустыни одиночества. Воображение густо населило эту пустыню образами. Здесь Фет обрел росу на кустах, звезды в небе, обрел возможность неторопливо и постоянно служить своей музе.

Природа для Толстого и Фета стала значить много больше, чем материал для описаний, она не была только предметом созерцания. Природа для Толстого и Фета имела значение нравственного фактора. «Природа больше всего дает это высшее наслаждение жизни», — писал Толстой.

Не только поэт выражает природу, но и сама природа выражает себя в поэте. Поэт может позволить себе говорить за безмолвствующую природу, взамен ее. Они — природа и поэт — выступают как равновеликие творцы, как соревнователи.

Ночь и я, мы оба дышим...

Здесь и ночь и воспринимающий ее человек — на равных правах. Восприятие не уступает по значительности воспринимаемому. По существу, Фет пантеистичен. Это видно сразу. Природное и человеческое в слиянии дают гармонию, чувство красоты. Лирика Фета внушает любовь к жизни, к ее истокам, к простым радостям бытия. С годами, избавляясь от поэтических штампов времени, Фет утверждается в своей лирической миссии певца любви и природы. Утро дня и утро года остаются символами фетовской лирики.

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало.

Это написано в 1843 г.

А вот стихи, написанные через сорок с лишним лет:

Эта весна,
Эта заря,
Так непостижна, зато так ясна!

Конечно, у Фета много вечерних и ночных мотивов, образов разлуки и печали, но доминантной в его поэзии все же является заря и весна. Венец природы, их обещающие начала.

В отличие от портретов и описаний Фета, оставленных нам современниками, Толстой дал свое необычайно отличающееся от них привлекательное изображение своего друга, поэта — соседа: «Кроме вас у меня никого нет... вы человек, к[отор]ого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых, и к[отор]ый в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме единого, будет сыт человек». В другом месте: «...Мне вдруг из разных незаметных данных ясна стала ваша глубоко родственная мне натура — душа (особенно по отношению к смерти), что я вдруг оценил наши отношения и стал гораздо больше, чем прежде дорожить ими». Выразительные свидетельства далекого от иллюзий и сентиментальности автора «Войны и мира».

Наиболее дружелюбными отношениями Фета и Толстого были в период написания «Анны Карениной» (у Фета есть статья о романе, которая не была напечатана). Расхождение их началось в конце 80-х годов. Это специальная тема. Здесь можно лишь в общих чертах сказать об этом.

Если Толстой был повернут спиной к царю, а лицом к мужику, то Фет, наоборот, стоял спиной к мужику, лицом к царю. Фет отрицательно отнесся к толстовскому начинанию — роману

о декабристах. У Фета и Толстого имели место споры о христианстве. Если первый находил убежище в красоте, то второй — в патриархальном укладе крестьянской жизни. Толстой иронически встретил восторги Фета по поводу присоединения к роду отца его Шеншина; Лев Николаевич заметил, что не знает «того Шеншина», а Фета — «знает и любит».

Длительная дружба и сотрудничество обоих оставили след в их творчестве, что показывает анализ некоторых стихотворений Фета. Так, скажем, в толстовском ключе написано стихотворение «Бал»: человек слышит звуки скрипки, забившись в «забытый уголок». Он пленен вихрем, мерцаньем свеч, круженьем молодых пар.

> Чего хочу? Иль, может статься,
> Бывалой жизнию дыша,
> В чужой восторг переселяться
> Заране учится душа?

Стихотворение «Псовая охота» не только по теме, но и по образному строю может быть подключено к толстовским рассказам или соответствующим страницам романов:

> Уже давно, осыпавшись с вершин,
> Осинников редеет глубь густая
> Над гулким извивами долин
> И ждет рогов да заливного лая.

Так и кажется: за этой строфой должны выйти на страницы толстовские охотники.

Некоторые лирические ощущения и чувствования Карениной и Левина, Нехлюдова и Наташи Ростовой могли бы быть проиллюстрированы миниатюрами Фета. Сопоставление пейзажно-психологических отрывков Толстого (можно добавить и Тургенева) и восьми-двенадцатистрочных повестей Фета приводит к мысли об изображении диалектики душевных движений и состояний природы, как об одной из важных художественных задач эпохи.

Фет и Некрасов

Если имя Фета в той или иной связи привычно сопрягается с только что упомянутыми именами Тютчева и Толстого, то в связи с именем его третьего современника — Некрасова — оно приводится только по контрасту. Во всем ли этот контраст справедлив?

У Фета есть стихотворение «На железной дороге», написанное не то в конце 1859, не то в начале 1860 г.:

Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло,
И предо мной твой облик нежный
И детски чистое чело.

«На змее огненном» летят двое, а он — этот змей — «сыплет искры золотые на озаренные снега». Двое видят в окне облитые лунным серебром деревья. Под вагонами с «грохотом чугунным мосты мгновенные гремят» (это очень точно найденный эпитет — ощущение от быстроедущего поезда перенесено на мосты, именно — «мгновенные»).

И, как цветы волшебной сказки,
Полны сердечного огня,
Твои агатовые глазки
С улыбкой радости и ласки
Порою смотрят на меня.

Впервые это стихотворение увидело свет в «Русском вестнике» в 1860 г.

Хрестоматийное стихотворение Некрасова «Железная дорога» написано в 1864 г. Весь текст некрасовского стихотворения пронизан социальной антитезой: строители дороги и ее хозяева. Некрасова прежде всего интересует этот остросоциальный аспект темы. «Железная дорога» Некрасова может восприниматься как ответ на стихи Фета, написанные на ту же тему, но лишенные социальной направленности. Два поэта—два различных отношения к одной и той же теме.

Но если даже «Железная дорога» Некрасова не является прямой полемикой с Фетом, если даже эта очевидная контрастность в решении темы двумя поэтами непроизвольна, все равно сравнение двух поэтов демонстрирует различие в их взглядах на мир и на задачи поэзии. Однако противопоставление этих двух стихотворений не должно переходить в противопоставление самих поэтов. Сравнение лирики Некрасова и Фета, лирики, которую обычно называют интимной, показывает, что у этих двух авторов было много точек соприкосновения.

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

Это — Некрасов («Я сегодня так грустно настроен»). Некрасов, который может быть в данном случае принят за Фета.

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Это — Фет («Ответ Тургеневу»). Фет, который может быть в данном случае принят за Некрасова.

Оба стихотворения двух наших поэтов отделены друг от друга лишь двумя годами: некрасовское написано в 1854 г., а фетовское — в 1856 г.

Некоторые некрасовские стихи могут легко перекликаться со стихами Фета, написанными на те же мотивы. Во всяком случае нет смысла имена Некрасова и Фета сочетать только по контрасту. У них есть черты сходства. И не случайно именно Некрасов лучше всех, раньше и глубже многих своих единомышленников понял и принял Фета.

Он понял поэзию Фета в развороте грядущего, в исторической перспективе.

«Смело можем сказать, — писал Некрасов, — что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли г. Фета с Пушкиным, но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области».

Нет надобности комментировать это выразительное суждение автора «Кому на Руси жить хорошо».

Два разнозвучащих — Некрасов и Фет — имени, два поэта, поставленных в историко-литературных трудах в прямопротивоположные углы, сейчас воспринимаются в некоем единстве и даже неразрывности:

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Это строки нашего современника Владимира Соколова.

Лирическая дерзость

Читатель, только сейчас знакомящийся с Фетом, впервые раскрывающий его томик, сразу же вступает в беседу с ним самим. Он, услышав его искреннейший голос, голос самого сердца, оценит непосредственность Фета, естественность его лирических мотивов. Потом, когда он начнет по-настоящему вчитываться в Фета, перед ним предстанет некая миниатюрная энциклопедия чувств и мыслей, все мельчайшие переходы одного в другое. Он оценит Фета как сильного поэтического аналитика. Кажущаяся заменимость одной вещи другой, якобы дублированность одного и того же чувства в стихах поэта в дей-

ствительности же является не чем иным, как тончайше разработанной шкалой и кардиограммой человеческих переживаний. Фет доискивается до самой их сути, до самого корня.

Эти сложные задачи психологического и философского характера диктовали поэту необходимость искать новые невиданные доселе изобразительные средства. Фет их неуклонно искал, промывая тонны песка и жадно отцеживая золотые крупицы. И естественно, что эти найденные им крупицы образной новизны производили впечатление необычности и даже странности.

«А мне все тут непонятно... я не понимаю связи между любовью и снегом», — жаловался на Фета один из критиков. А между тем уловление связи между «любовью и снегом» было новшеством, равным и для прозы и для поэзии. В слове своем поэт или прозаик стремились передать впечатление. Именно впечатление входило в лиризм (стиха и прозы) с нарастающей силой. Это требовало от художника поиска новых средств выражения.

Фетовский пленер близок к импрессионистическому видению мира. Его стихотворение «Купальщица» при всей своей пластике контрастирует со стихами антологического цикла. Перед нами не статуя, а живая женщина. Она выходила из воды и, «прорвав кристальный плащ, вдавила в гладь песка младенческую ногу».

Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у лилии стыдливой.

Это стихотворение можно было бы при необходимости иллюстрировать этюдами купальщиц, столь многочисленными в импрессионистической живописи.

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтенье
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную,
Все такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

По интонации, по словесному рисунку, по способу передачи психологии, наконец, по образному строю своему это стихотво-

рение безусловно может быть приписано поэту нашего века. Но под ним дата — 1847. Здесь Фет стоит рядом с нами. И мы не ощущаем, что прошло столетие с лишним...

> На пажитиях немых люблю в мороз трескучий
> При свете солнечном я снега блеск колючий.

«Блеск колючий» — это увидено глазом современного нам художника. В том же стихотворении:

> ...холм причудливый, как некий мавзолей,
> Изваян полночью...

Это образное построение вплоть до синтаксиса и словаря предсказывает Заболоцкого.

Поэзия — среди всех ее несметных качеств — учит зоркости. Ей не надо выдумывать то, чего нет на свете. Напротив, она подмечает то, что все способны подметить, но, увы, не умеют. Проходят мимо.

В раннем творчестве Фета такие находки идут вперемежку со штампом: «Щечки рдеют алым жаром», или «Крепко обвита рукой, прекрасна харита младая», или «Я слышу биение сердца и трепет в руках и ногах».

И рядом с этим:

> Сосна так темна, хоть и месяц
> Глядит между длинных ветвей.
> То клонит ко сну, то очнешься,
> То мельница, то соловей...

Это сочетание далеких ассоциативных рядов без пояснений (третья и четвертая строки), а идущих, как перечисление — новника для поэзии той поры (стихи датированы 1842 г.).

> От весел к берегу кудрявый след бежал...

«Кудрявый след» — это схвачено острым взглядом живописца, знающего, какую именно краску для данного случая взять на словесной палитре. Там же, в том же стихотворении, сказано о соловьях, которые «с какой-то негою задорной» (небывалое еще сочетание неги с задором!) «пустынный воздух раздражали». Обращает на себя внимание этот глагол — «раздражали». Так же как тютчевский глагол «изнемогла» в отношении радуги, этот глагол «раздражали» в отношении соловьев и их пения сперва сбивает с толку (если следовать обычной логике), а потом вызывает восторг — смелостью, «непонятной лирической дерзостью», о которой говорил Лев Толстой. Он же говорил о компактности стихов Фета, о том, что на эти стихи «тратится ужасно много поэтического запаса».

В стихотворении «Пчелы» есть строки:

> В каждый гвоздик душистой сирени
> Распевая, вползает пчела,

«Гвоздик сирени» — по тому времени (1854 год!) очень дерзко.

Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

Это из стихотворения «Как здесь свежо под липою густою». Рядом с привычным эпитетом «неугомонный» останавливает внимание другой — составной эпитет «резко-сух» в отношении звона кузнечиков. Сказать точней нельзя!

Описывается огонь в камине:

Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Багрянец и лазурь огня, сияние его извивов и вспышек. Какой мощный взгляд у поэта, какое емкое слово!

В эпоху Фета так не говорили: «Тающая скрипка» (на инструмент перенесено впечатление от издаваемых им звуков), «овдовевшая лазурь», «травы в рыданьи», «ясный воздух сам робеет на мороз дохнуть», «в нем слишком много слез»... Это было дерзко и в известной степени вызывающе. В таком духе начали писать уже в начале нашего века, в 10—20-е годы.

В строках фетовской лирики чудодейственно зримо встает пейзаж средней полосы России. И одной этой задачи было бы достаточно, чтобы имя Фета запечатлелось в истории нашей лирики. Но Фет ставил задачу еще более грандиозную: за полем в прямом смысле слова читатель должен был увидеть поле души человеческой. Ради этого Фет и растирал краски на своей палитре, ради этого присматривался и прислушивался и приникал к деревьям и травам, к кустам и рекам. В гармоническом сочетании своем лирика Фета дает и природу и воспринимающего ее человека.

Слово и мелодика

Для впечатляющего слитного изображения пейзажа и души человеческой необходимо было обладать еще одним важным качеством. Без него изобразительность не стала бы выразительностью. Речь идет о мелодике, о музыкальном даре Фета, об интонационном богатстве его лирики.

Одни подчеркивают в Фете живописное начало, стремление передавать в слове краски, линии, формы внешнего мира. Другие же слышат прежде всего и главным образом напевность его стихов, мелодизм, кантилену.

Обаяние Фета как раз в том и заключается, что живопись у него растворена в музыке, а мелодическое начало пластично, воплощено в зрительные образы. Ухо и глаз Фета одинаково чутки, и их действие синхронно.

Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...

Поэт одновременно слышит последний звук и видит последний луч. Нет, скажем точнее, приближенней к восприятию Фета: он видит последний звук и слышит последний луч.

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

«Связь родилась» и установилась не только между звездами и поэтом, но и между их мерцанием и их звучанием. «Звезды дрожали» — в этом сочетании есть и изображение и голос. Мелодика и картина звездного неба и состояние влюбленного поэта здесь слиты воедино.

Ночью, когда «образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле», поэт слушает колокольный звон. И он находит в этом звоне «какую-то влагу». Звуковой образ проецируется на ощущения совсем иного порядка, придавая этой картине изначальную прелесть и почти детскую непосредственность восприятия. Вместе с тем не только звон колокола, но и самое звучание слова становится у Фета образом. Он, слушая, видит и, всматриваясь, слышит. И что бы он ни видел и что бы он ни слышал, постоянно в нем идут друг за другом образы прожитой жизни и тут же происходит осмысление ее малых и больших планов...

Зоркость души! — вот одно из главных требований Фета к художнику. Не только глаз, но и слух, все органы чувств, весь человек должны обладать этой художнической зоркостью. «Поэт — тот, кто в предмете видит то, что без его помощи другой не увидит», — пишет Фет. И его лирика доказывает, что он был верен своему требованию. Певец весенних гроз, цветущих садов, березовых рощ, перелесков, птичьего щебета, охоты, моря, рассветов и закатов, Фет под зоркостью имеет в виду прежде всего повышенное, обостренное внимание к миру природы, к поискам глубокого соответствия его миру душевному.

Именно художническая зоркость соединяет живописную манеру поэта с мелодикой, со всем его интонационным строем. Русская лирика, взлелеянная в мелодической зыбке народной песни, обрела в Фете одного из наиболее музыкально одаренных мастеров. Начертанная на бумаге буквами, его лирика звучит подобно нотам, правда для тех, кто эти ноты умеет читать. А композитор видит в фетовских строках чудесную канву, в которую так интересно вплетать мелодические нити. Но стихи Фета звучат песенно и романсово еще до того, как к ним прикоснулся музыкант.

На слова Фета сочиняли музыку Чайковский и Танеев, Римский-Корсаков и Гречанинов, Аренский и Спендиаров, Ребиков и Виардо-Гарсия, Варламов и Конюс, Балакирев и Рахманинов, Золотарев и Гольденвейзер, Направник и Калинников и многие, многие другие.

«О если бы без слова сказаться душой было можно». Это вырвалось у Фета не от неверья в слово, как думали иные, не от пренебреженья к нему. Это идет от максимализма чувств, от желания, чтобы между переживанием и его выражением не было зазора, расхождения. Вот почему недосказанность фетовского переживания, его беглость, зыбкость, переходность, текучесть, полногласие его стиха, его гармоничность как нельзя лучше подходили для музыки, так кстати подхватывающей и усугубляющей эти качества.

Музыкантам понадобилась внутренне присущая стихам Фета романсовость, повторяемость (прямая и косвенная) отдельных строк, полустрок, слов внутри каждого стихотворения, переливы интонаций, сочетания гласных и согласных. Стихи Фета образуют своего рода музыкальные рефрены, идущие из строфы в строфу к концовке.

Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Вторая строфа построена на другом материале: восклицание («дивный был вечер вчера!»), воспоминание, описание («пламя бледнеет в камине»). Третья строфа — вся в вопросительных интонациях: «Что же, — к чему этот взгляд? Где ж мой язвительный холод? Грусти твоей ли я рад? Знать, я изменен и молод?»

Четвертая строфа как бы по инерции продолжает вопросительную интонацию третьей: «Что ж ты вздохнула?» Но эта интонация резко обрывается афоризмом: «Цвести — цель вековая созданья», и концовка стихотворения возвращает читателя к началу, к первым двум строкам, но эти же строки звучат совсем, совсем по-иному.

Рефренный принцип, принцип повторов фетовской музыкально-стихотворной композиции прослеживается не только в случаях буквального повторения слов, полустрок, строк, двустиший. Он проступает — прямо или косвенно — во всей его лирике. Рефрен, повтор здесь — не широкоизвестный песенный прием, не положенный на определенном месте припев, а глубокоосознанная мелодическая задача построения лирической миниатюры, бесконечно разнообразная в своей вариационной неповторимости.

Сквозь музыку, сквозь мелодику сердца Фет видит мир. В интонации его стихов растворены живописные образы, его

афористическая мысль обретает в мелодике свою силу и благодаря ей смутное чувство добивается внятности:

Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час.
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.

Сочетание длинной строки и дактилической рифмы с односложным словом «гас», составляющим всю четвертую строку (во второй и третьей строфах соответственно: «что?» и «жди!»), создают особую музыку этого стихотворения, только ему одному присущую интонацию.

В середине прошлого века в кругу Фета, Полонского, Григорьева увлечение песней и романсом было велико. Все слушали пение и все пели. Это не могло, конечно, в разной степени не сказаться на поэзии. Более того, романсово-песенное увлечение Фета и поэтов его круга передавалось далее — в следующие поколения к таким поэтам, как Блок, Бальмонт, Анненский, Сологуб, Есенин, вплоть до наших дней.

Музыкальности своей лирики Фет добивался множеством способов — их всех не учесть. В одном случае это отказ от глаголов, в другом — повтор одного и того же слова в определенном месте строфы, в третьем — составные эпитеты, в четвертом — необычные для слуха ритмико-синтаксические фигуры... Что ни стихотворение — находка, пусть малая, частная, но находка и ее ценность — в соответствии данному переживанию, именно этому чувству, в неповторимости его.

Поэт хочет схватить на лету и закрепить в слове «и темный бред души, и трав неясный запах». Ему хочется расширить мелодические возможности, а таким образом и живописные, и еще шире — смысловые возможности слова. Его слово знает свое значение и свое звучание. Фет не выходит за пределы слова, не уродует его живую структуру в угоду мелодике, он использует внутренние присущие слову качества, находит в нем самом новые возможности и сочетания. Мелодика у него входит в круг содержательных задач поэзии, она не существует особо и отдельно как самоцель. И в этом победа мастера. Стих Фета относится к числу наиболее гармоничных в русской поэзии. В его лирике торжествует полногласие. Она и в чтении поется.

В одном из своих писем Чайковский говорит об исключительности явления Фета и утверждает, что он «в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в *нашу область*». Об этой стороне поэзии Фета его современники судили верно и глубоко. Поэт передает слова Тургенева, ждавшего от него такое стихотворение, в котором последнюю строфу надо будет передавать безмолвным шевелением губ.

Эта особенность таланта Фета представлялась поэтам, даже далеко от него отстоящим и инакопишущим, весьма важной и

ценной. «Каждый поэт, — говорит Михаил Светлов, — мечтает написать такое стихотворение, которое хотелось бы читать шепотом». У Фета таких стихотворений десяки, если не сотни. Его шепот имеет амплитуду: от пианиссимо, напоминающего шелестенье, до ропота и гула.

Некоторые последователи Фета уже в XX веке стремились к изображению душевной смуты, смещенных пластов душевного мира. Сам же Фет стремился к ясности, прозрачности, структуре кристалла.

Он говорил о себе:

Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня.

Иными словами: Фет любил душевную ясность, озаренность. Но из этого не следует, что ему были чужды душевные бури, тревоги, смятенье чувств. Его увлекали «порывистые трели соловья», он видел солнце «в росинке, чуть заметной». Но и тяжелое раздумье над жизнью и смертью, дружбой и предательством он знал также. И это впечатляюще выражено в его стихах.

Пластика и мелос Фета наследует и развивает пластику и мелос русской классики, главным образом — Пушкина.

Мгновение — вечность

Обычно говорили, что Фет передает чувства не в четкой их обозначенности и зрелой определенности, а в движении, в переходах и смещениях. Он, верно, дает процесс в самом его начале. Но у того же Фета много стихов, отличающихся определенностью контура и обозначенностью действия. Вся гамма чувств может быть по стихам Фета восстановлена в ее дневниковой последовательности.

Фет так же, как и Шопен, которому он посвятил стихи, кажется импровизационным. Будто бы чувство рисуется не со стороны, а как бы вот сейчас на ваших глазах происходящим. Оно само говорит за себя. Этот эффект присутствия автора с его переживанием — необходимое условие эстетики Фета. Он читает вам дневник, а не рассказывает некий случай. Он исповедуется, а не приводит картину исповеди.

Какая ночь! На всем какая нега!

Это сказано вот сейчас и именно вам.

Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной...

Это восклицание, этот вздох не написан, он произнесен поэтом нечаянно, и он неповторим, единствен. Вы не должны и

сомневаться в непосредственности всего услышанного. Здесь нет игры... Вся игра именно в том, чтобы снять иллюзию игры.

Действие лирики Фета связано с настоящим временем, если даже грамматически это какое-либо другое время — прошедшее или будущее. Действие происходит сейчас, именно в эту минуту, когда поэт произносит свои слова.

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Здесь отчетливо совпадают грамматические и психологические формы. Это по всем признакам настоящее время. Такого же характера стихи «Сегодня день твой просветленья», «Растут, растут причудливые тени», «Летний вечер тих и ясен», «Ты видишь, за спиной косцов» и другие.

По мере того как мы начинаем вглядываться в лирику Фета, вбирать ее в себя, раздумывать о ней, нам открывается одно ее не вдруг открываемое свойство. У автора речь ведется в настоящем времени, а в действительности это только живое воспоминание прошедшего, восстановление его по памяти в таком виде, словно бы дело происходит вот именно сейчас. Особенно это относится к стихам о любви, в которых Фет в старые свои годы (скажем, между 1880 и 1892) восстанавливает чувства молодых лет. Это настоящее время, которое в действительности означает давнопрошедшее.

В шестидесятисемилетием возрасте Фет писал:

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участья.
Оставь и дозволь мне рыдать!

Еще через год он писал:

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь во вслед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

В том же — 1889 г. в феврале сказано:

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
Где я возьму небесной краски?

В том же году в мае написано:

Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить — невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.

На недоуменный вопрос одних, насмешку других, восторги третьих по поводу запоздалого чувства Фет ответил стихами:

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О таинствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?

Томлюся и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Так в хоре молодом: Ах, слышишь, разумеешь! —
Цыганка старая одна еще поет.

Объяснив другим и себе этот творческий феномен, поэт и в дальнейшем не отрекся от своего принципа. Давнопрошедшее возникало перед ним как сущее, сиюминутное, действительно ныне происходящее. В стихотворении 1890 г. «На качелях» — за два года до смерти — Фет писал:

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Наконец в 1892 г. — последнем году жизни поэта — он в середине студеного февраля пишет стихи:

Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щеке;
Жужжанье пчел над яблоню душистой
Отрадней мне замолкнувших в цветке.

Больной, исстрадавшийся человек пишет жизнестойкие и озаренные жизнью стихи. Между формой и сутью поэтического выражения времени — прошедшего и настоящего — у Фета разница не меньшая, чем между его художественной мечтой и практической жизнью. Все движется на контрасте, все контрастом передается.

В хрестоматийном классическом стихотворении «Я пришел к тебе с приветом» — солнце «встало», по листам оно «затрепетало», лес «проснулся»; все происходящее выражено прошедшим временем. Но вот концовка:

...отовсюду
На меня весельем веет...

Сочетание прошедшего с настоящим, воспоминания и ныне переживаемого имеет у Фета свое продолжение, разворачивается в мотив философский. Это связь времен, соотношение мгновения и вечности:

Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастии учиться вспоминать.

Отождествляя минуту с вечностью, поэт придает последней не абстрактно-метафорическое значение, а значение сугубо гуманистическое, реальное, чувственное:

Хоть не вечен человек,
То что вечно — человечно.

Это вовсе не общежитейская мудрость, часто основанная на игре слов. Фет дает словесную оправу беглому переживанию, он запечатлевает блеск солнца на сгибе волны, трель жаворонка, рассыпанную в синеве, трепет рос.

Для Фета длящееся, очаровывающее, обнадеживающее, огорчающее *это* мгновение загораживает все остальные.

И афористичность Фета — от желания схватить мгновенье и сочетать его с вечностью: «Одной улыбкой нежной боле, одной звездой любви светлей», «Как океан разверзлись небеса, и спит земля и теплится как море», «И что один твой выражает взгляд, того поэт пересказать не может», «стою как безумный, еще не постиг выраженья: разлука».

Слово Фета осторожно, бережно, нежно прикасается к самым беглым, трудноуловимым ощущениям, пытаясь обозначить их суть, а не назвать их категорию. В послании к В. С. Соловьеву он пишет:

Ты изумляешься, что я еще пою,
Как будто прежняя во храм вступает жрица,
И, чем-то молодым овеяв песнь мою,
То ласточка мелькнет, то длинная ресница.

За тремя традиционными строками, говорящими о том, что песню старого поэта овевает нечто молодое, Фет дает поражающую современным вйдением мира строку: «то ласточка мелькнет, то длинная ресница». Строку, в которой зрительные и душевные связи устанавливаются путем сведения воедино самых далеких ассоциаций. Мелькание ласточки и моргание ресниц помогают установлению более глубоких связей времени. Фет тем самым показал новые ассоциативные возможности русской поэзии и открыл ранее неведомые ей пути.

Но имея в виду только это свойство художника, мы не поймем, может быть, и немногочисленных у Фета, но весьма важных произведений. А именно тех, где он говорит во весь голос, где он дает волю полноте страсти, доходит до патетики. Кажется странно: Фет и патетика. Но это именно так. Пусть лобовые высказывания Фета редки, тем более важно о них сказать, отметить их роль в его творчестве.

В 1847 г. Фет написал стихи, названные им впоследствии «Нептуну Леверрье». Напечатанное в 1850 г. под названием «Нептун», оно ввело в заблуждение многих, думавших, что речь

в нем идет о мифологическом боге. А между тем речь в нем шла об открытой астрономом У. Ж. Леверье планете Нептун:

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.

Разумеется, Зевс вводил в заблужденье читателей и рецензентов. Но далее в том же стихотворении сказано:

Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? — Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе; здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

Это крик восторга, а не шепот. Это ликующие ноты, а не «робкое дыханье». Это скорее — Уитмен и Верхарн, чем Фет. Но это — Фет как выразитель лирической силы, находящей воплощение не в одной какой-либо тональности, не в одном регистре, а во многих. Во многих, если не во всех.

В собрании стихов Фета читатель найдет не только мадригалы и ноктюрны, романсы и арии, но и гневные филиппики и суровые инвективы. Их не так много, как у других авторов, но они есть и они занимают свое определенное место в творчестве Фета. Они выводят поэта за ворота его усадьбы в широкий мир.

В июне 1887 г. Фет пишет стихотворение «Севастопольское братское кладбище», навеянное воспоминанием о посещении его:

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.

Стихотворением этим Фет славит пример защитников Севастополя. Этот пример, говорит Фет в книге «Мои воспоминания», «никогда для нас не пропадет, и Россия не перестанет рождать сынов, готовых умереть за общую мать».

Это важные признания, и они должны послужить верной характеристике поэта. Во всяком случае уберечь читателя от одностороннего подхода к нему. Не исключено, что на севастопольские впечатления Фета накладывались впечатления и от знаменитых военных очерков Льва Толстого.

Мотивы прямого признания в любви к России, ее народу у Фета крайне редки. Все его творчество являет собой пример такой всепоглощающей и боящейся суесловия любви. Вместе с тем нельзя проходить мимо прямых фетовских признаний, таких, к примеру, как «Ответ Тургеневу» («Поэт! Ты хочешь знать, за что такой любовью...»). Это стихотворение передает очарование петербургской ночи, которая по городу «как ясновидящая шла» и отражала в водах Невы пестрые флаги и покоила отдыхавшие на рейде корабли. Городской, приморский или морской пейзажи не часты у Фета, но они разнообразят мир его садов и лесов.

У Фета мы встречаем не только тишину и шепот, но и гром, и глубокую думу о мире, и сильный душевный порыв.

Имя Фета сопрягается с классически ясной, афористически емкой, пластической миниатюрой. Но образ поэта будет неполон, если не сказать о его белых и свободных стихах, о высоком мастерстве его раскованной поэтической речи.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Все громче и громче.

Когда написаны эти стихи? Под ними дата — 1842... А какой современный строй слышится в них, какой они являют для всех нас пример живого движения стиха!

«Красивое нужно сохранить»

Фет полагал, что, сделав броню из своей неистовой любви к красоте, он тем самым оградит свою поэзию от времени, от его бурь и треволнений. Но как бы лирик ни ограждал себя от ветра времени, так или иначе он будет им задет, так или иначе выразит его. Если не прямо, то косвенно. По крайней мере этот ветер поколеблет свечу, которая освещает страницы поэта с его новыми строфами.

Время вошло в лирику Фета через драму его любви и запечатлелось даже в далеких от этой темы мотивах пейзажных и философских. Любовь к Лазич мстительно прорвалась в лирику Фета, придав ей драматичность, исповедальную раскованность и сняв с нее оттенок идилличности и умиленности.

Для поздней лирики Фета характерно бесконечное тютчев-

ское и гётевское расширение и углубление образа. Он все реже прибегает к излюбленным в молодые годы сравнениям и развернутым метафорам, к композициям, в которых только концовка является выходом к обобщению. В поздней лирике Фет прямо с первой строки, с самого начала, без уподоблений и сравнений говорит о сущем, о познаваемом, об открывшемся ему. «Людские так грубы слова...», «Чуя внушенный другими ответ...», «Хоть счастие судьбой даровано не мне...», «Опавший лист дрожит от нашего движенья», «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал...», «Завтра — я не различаю...» и другие. Это все стихи, где конкретностью становится всеобщность. Познанная суть явления и есть в этих стихах образ. Он уже не нуждается в тропах и уподоблениях.

По внешнему выражению Фет простодушен, как свирель. Но стоит проникнуть за пределы этого бросающегося в глаза простодушия и даже наивности и инфантильности, как начнут проступать черты мудрого и тонкого лирика-мыслителя.

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!

Просто приглашение на прогулку? Да, начинается с этого. Но стихотворение от прямого приглашения идет к пейзажу, а от него к обобщающей мысли:

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?

И ответом на этот вопрос служат повторенные две начальные строки. Они уже звучат не только как приглашение на прогулку, но и как утверждение красоты этого мгновения, неповторимости бытия.

Простодушие и мечтательность лирики Фета не должны вводить в заблуждение. За ними неизменно стоит глубокая дума о жизни, о природе человека, о смерти и бессмертии. Поэт обращается к угасшим звездам.

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Вопрос может показаться наивным. Но в конечном счете это вопрос о длительности жизни. А может ли он не интересовать каждого живого человека? Он перерастает во второй строфе стихотворения в вопрос о бессмертии:

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вздоха!

В духе идеалистической философии, под ее воздействием у Фета произошло резкое и решительное деление на практическую жизнь и поэзию, на непосредственную действительность и красоту.

Разумеется, такое понимание красоты было противоположно пониманию, выраженному Чернышевским в знаменитой формуле: «Прекрасное есть жизнь».

В наше же время красота и ее поиск входят в общественную жизнь. Фетовский идеал красоты нет смысла воспринимать враждебно. Напротив, время расшифровало его по-новому, посвоему. «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него...»[1], — говорил Ленин. Красоту, которую дарит нам лирическая поэзия, в частности фетовская, безусловно нужно сохранить.

Красота фетовской лирики, его образного и мелодического строя постепенно становилась достоянием русской поэтической культуры. При этом в фетовском ключе писали люди, казалось бы, весьма от него далекие.

Творческий дух человека, открывающий мир и красоту его, тонкость восприятия мира и точность его воспроизведения — эти качества поэта становятся все более заметными. Сейчас его лирика — наше духовное достояние, с полным правом она почитается богатством и гордостью отечественной литературы.

Неведомо, какими хозяйственными заботами был одолеваем Афанасий Афанасьевич Фет в день, когда написал свое стихотворение «Я пришел к тебе с приветом». Но наш современник, юноша начала семидесятых-восьмидесятых годов XX века приходит к возлюбленной и, протягивая ей букет сирени или черемухи, произносит:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало...

Юноша не обязательно вслух произносит эти стихи. Он может их произнести про себя. Наконец, он может и не знать эти стихи (хотя хорошо бы ему знать их). Но поэт выразил настроение, состояние души влюбленного. И эти слова становятся уже достоянием не поэта, а современного юноши. Точнее, они могут быть его словами. Это, думаю, определяет долголетие и вместе с тем юность фетовских стихов. Не только стихотворения «Я пришел к себе с приветом», но и многих других его произведений, в которых сердце распахнуто, как окно в цветущий сад.

Широко известно, что Фет был человеком, придерживавшимся консервативных взглядов на общественное развитие. Эти

[1] Клара Цеткин. Воспоминания о Ленине. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5, М., Политиздат, 1969, стр. 13—14.

его взгляды вызывали решительный отпор со стороны многих прогрессивных людей России, умевших, кстати сказать, высоко оценить немалый вклад поэта в отечественную лирику.

Мы принимаем фетовское лирическое наследие как принадлежащее народу богатство.

Образ Фета видится сейчас крупно. Это образ лирика, любящего чудо жизни и преданного человеку. То, что прежде — в его эпоху и сразу же после его смерти — настораживало в Фете, сейчас предстает перед нами особенностью его таланта. Творческое внимание Фета было направлено на те стороны жизни человека, которые связывают его с природой, любовью, творчеством, которые говорят о красоте во Вселенной и повседневности, которые помогают совершенствованию человеческой натуры. Фет оказался певцом тех сторон жизни, которые историческим десятилетиям предстояло только еще раскрыть. Его исключительность со временем станет, уже становится всеобщностью. Таков путь Фета к большому читателю.

Выступавший против стихотворного умствования, выдаваемого за философскую поэзию, Фет в своих стихах предстает перед нами как лирик-мыслитель. Но он мыслит именно как лирик «умом сердца», по верному замечанию Льва Толстого. Мысль в его стихах выглядит как результат переживания, как итог вживания в глубины человеческой души, как плод, естественно созревший и так же естественно и своевременно упавший с древа познания, которое при ближайшем рассмотрении и является древом жизни...

Как поэта-мыслителя Фета отличают лирическая нежность и лирическая смелость. Он нежен, как утреннее пробуждение отрока, и смел, как дума видавшего жизнь мудреца. Вступая в область самого тонкого и таинственного, в область человеческих переживаний, Фет вскрывает их природу, дает последовательность мотивировок, он чувствует и, что важно для лирика-мыслителя, — предчувствует.

При жизни Фета его поэзия подчас звучала явным диссонансом произведениям Некрасова и Щедрина. Но прошли десятилетия (какие десятилетия!), и поэзия Фета в историческом плане обогащает наше представление о XIX веке, а заодно с этим служит новому обществу и новым задачам. В воспитании современного человека, эмоционального его строя, лирика Фета может сыграть, уже играет важную роль. Не следует ее преуменьшать. Несомненно, ей уготовано большое будущее. В воспитании чувства внутреннего совершенства, в эмоциональном познании мира и его красоты она сможет сыграть и наверняка сыграет заметную роль.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Трепет жизни — это и есть лирика Фета, ее суть. Как бы ни слышались в ней мотивы горечи и даже отчуждения, она в главном внятно говорит сердцу о земном, о жизни, об этом дне, об этой любви, об этой песне. «Шепот, робкое дыханье» Фета не нуждаются в искусственных усилителях. И шепот, и ропот, и робкое, и смелое дыханье его стихов слышны и внятны каждому мало-мальски чувствующему и не чуждому поэзии сердцу, как «раздирающие воздух» «негою задорной» наши соловьи...

Он находил слова не только о могуществе природы и красоты. У него есть глубокие стихи, прославляющие красоту природы человека, его духа, его мужества. В богоборческих стихах Фет бросает прометеевского накала слова:

> Нет, ты могуч и мне не постижим
> Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
> Ношу в груди, как оный серафим,
> Огонь сильней и ярче всей вселенной.
>
> Меж тем как я — добыча суеты,
> Игралище ее непостоянства,
> Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
> Ни времени не знает, ни пространства.

В конечном счете главное в поэзии Фета — ее высокая человечность. Современная русская лирика испытала на себе безусловное влияние Фета, о чем говорит прежде всего творчество разных наших поэтов, а также их признания.

Для всех прикасающихся к лирике Фета через столетие после ее создания важна прежде всего ее одухотворенность, душевная пристальность, нерастраченность молодых сил жизни и восприятия ее, трепет весны и прозрачная мудрость осени. За фетовской лирикой сквозит чистая синева и сердечность, легкая озаренная солнцем рассветная дымка и обнадеженность. Читаешь Фета и чувствуется: все еще твоя жизнь впереди, еще только начало, заря, а сколько доброго сулит идущий день! Жить! Стоит жить! Таков Фет, наш Фет. Читаешь его лирические строки и видится: человек и природа едины в своем порыве к совершенству, в своем движении к будущему.

6 коп. Индекс 70069

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Интересующимся проблемами литературы и искусства издательство «Знание» предлагает книги факультета литературы и искусства.

В 1970 году выйдут:

Герман Ш. М., Скатерщиков В. К. Беседы об эстетике.

Зайцева Л. А. Выразительные средства киноискусства.

Морозов С. А. Фотография — искусство.

Пауткин А. И. Советский исторический роман.

Тимофеев Л. И., Жегалов Н. Н. Литература — учебник жизни.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ УКАЗАННЫЕ КНИГИ, ВАМ СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ В БЛИЖАЙШИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН И СДЕЛАТЬ ЗАКАЗ ПО ТЕМАТИЧЕСКОМУ ПЛАНУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ» НА 1970 ГОД, № 187, 188, 189, 190, 192.

Издательство «Знание»